

УДК 811.318

СУБСТАНТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, ТАТАРСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ

Е.Ф. Арсентьева, Л.Р. Сакаева

Аннотация

Субстантивные фразеологические единицы антропоцентрической направленности представлены достаточно большим количеством единиц в четырех сопоставляемых языках. Рассмотрению подлежат изафетные конструкции в таджикском и татарском языках, способы выражения атрибутивных отношений и способы связи между стержневым и зависимым компонентами фразеологических единиц в русском и английском и их соответствия в таджикском и татарском. Несмотря на тот факт, что фразеологические единицы рассматриваются в разноструктурных и разносистемных языках, выявлены определенные сходства их структурной организации и компонентного состава.

Фразеологические единицы (ФЕ), стержневым компонентом которых является существительное, являются субстантивными. Данные ФЕ составляют большую группу. «Они наиболее полно и разнообразно отражают имеющиеся в языковой системе структурные модели именных словосочетаний» [1, с. 75].

«Именные (субстантивные) ФЕ по грамматической структуре и составу компонентов совпадают с соответствующими свободными именными словосочетаниями, но отличаются от последних фразеологическими особенностями. Они состоят из двух, а нередко и из большего числа компонентов, представленных словами, относящимися к именным частям речи» [2, с. 39].

Характер материальной оболочки фразеологизма в виде словосочетания или предложения зависит от специфики его содержания. При этом если природой фразеологического значения обусловлено типовое значение материальной оболочки фразеологизма, то характером грамматических категорий определяется значение ее грамматически ведущего члена. В частности, в материальной оболочке большинства субстантивных фразеологизмов грамматически ведущий член выражен именем существительным.

В русском языке грамматические формы наблюдаются лишь у опорного компонента и зависят как от имени существительного в исходной числовой форме, так и от специфики фразеологизма в целом. Если исходной является форма множественного числа имени существительного, то оно формы единственного числа не имеет: «цветы жизни», «муки слова». Если исходной является форма единственного числа имени существительного («покоритель сердец», «голубь мира», «нуп земли», «чувство локтя»), то наличие-отсутствие формы

множественного числа будет определяться либо лексико-грамматическими свойствами этого имени существительного, либо степенью семантической слитности фразеологизма: «*козел отпущения*» – «*козлы отпущения*», «*маменькина дочка*» – «*маменькины дочки*», но только «*чувство локтя*», «*яблоко раздора*».

Именными (субстантивными) фразеологизмами в таджикском языке являются изафетные фразеологизмы. Тип субстантивных ФЕ, имеющих в своей основе изафетную конструкцию, т. е. конструкцию, оформленную изафетом -и, является одним из продуктивных типов ФЕ.

Слово изафет (тадж. «бандаки изофй») образовано от арабского слова «аль-идафату» в значении «добавление». Этот термин обозначает определенные типы атрибутивных конструкций в некоторых иранских и тюркских языках. Так, например, в иранистике термин «изафет» обозначает соединение определяемого с постпозитивным определением при помощи энклитического показателя, присоединяемого к определяемому и восходящего к относительному местоимению «который». «Зависимые компоненты соединяются с существительными посредством изафета, предлога, послелого и примыкания. Такие сочетания обозначают определительное, обстоятельственное, дополнительное и субъективное отношение» [3, с. 372].

С.В. Хушенова отмечает, что структурный тип изафетных фразеологических единиц является одним из наиболее продуктивных вследствие того, что в основе его лежит изафетная конструкция. На базе этой конструкции помимо свободных словосочетаний возникают многочисленные устойчивые обороты, закрепившиеся за предметом или явлением как его постоянное обозначение [4, с. 19].

Изафетные ФЕ с точки зрения строения представляют собой устойчивые обороты, восходящие к свободным изафетным словосочетаниям. Анализ структуры изафетных ФЕ показывает, что их составные части, т. е. их компоненты, соединены и фактически соотносятся с членами исходной изафетной конструкции. Следует при этом иметь в виду, что не каждый структурный элемент, восходящий к знаменательному и незнаменательному слову, можно рассматривать в составе изафетного фразеологизма в качестве его отдельного компонента.

При определении изафетных субстантивных ФЕ особое внимание следует уделять языковой сущности самой конструкции как особого структурного явления таджикского языка. Суть изафетной конструкции наиболее четко была определена В.С. Расторугеуевой: «имена существительные и прилагательные, соединённые изафетом (определятельные сочетания), представляют собой в предложении одно неделимое целое – синтагму, объединённую единством выхода и отделившую от других слов паузой. Внутри изафетного сочетания паузу делать нельзя, это может привести к неправильному пониманию. Определительное изафетное сочетание фактически получает в предложении такое же синтаксическое оформление, как и отдельное слово, поскольку все служебные элементы (предлоги, послелог -ро, а также местоименные энклитики и показатель единичности -е) относятся к нему в целом как единице неделимой» (цит. по [5, с. 279]).

Одним из главных структурных средств в построении именных ФЕ является изафет -и в таджикском языке. Эта изафетная синтаксическая частица осу-

ществляет связь минимум двух самостоятельных слов в едином грамматическом целом, выражая форму словосочетаний. Чрезвычайно богатая семантика живой изафетной связи выражает всевозможные виды атрибутивных отношений: «*сари вакт*» (букв. «начало времени») в значении «своевременно»; «*чаши ми тар*» (букв. «мокрый глаз») в значении «слёзы», «заплаканные глаза»; «*сухани талх*» (букв. «горькое слово») в значении «резкое, грубое слово» и др.

В изафетных субстантивных ФЕ изафетная связка -и, следующая за опорным компонентом, – такой же знаковый элемент, как и её другие члены. Они, т. е. знаменательные элементы и изафетная связка, в целом создают знаковую оболочку изафетного субстантивного ФЕ. Изафетные ФЕ с точки зрения их лексико-структурного состава состоят в основном из двух знаменательных компонентов, оформленных изафетной связкой: «*оби чаим*» (букв. «вода глаза») в значении «слёзы»; «*бори гам*» (букв. «тяжесть горя») в значении «печаль, грусть»; «*дарди бедаво*» (букв. «неизлечимая болезнь») в значении «обуза»; «*табиби хозик*» (букв. «искусный лекарь») в значении «искусный врач».

Одним из существенных признаков изафетного фразеологизма является целостность значения. «Под целостным значением фразеологизма понимается общее значение устойчивого оборота определённой структуры и состава, закреплённое за ним как его постоянный признак» [6, с. 29]. Например, общее значение фразеологизма «*оташи дил*» (букв. «огонь сердца») в значении «печаль», «горе», «недуг», «боль» воспринимается в готовом виде как одно семантическое целое, а не как суммирование значений элементов «*оташи*» – «огонь» и «*дил*» – «сердце».

Изафетные фразеологизмы могут выступать в качестве первого и второго члена изафетной конструкции. Например, «дарди дил» в значении «горе» выступает в качестве первого члена изафетной конструкции.

Примерами изафетных ФЕ антропоцентрической направленности таджикского языка могут служить выражения: «*бинои рузи*» в значении «опора»; «*гурги борондида*» в значении «бывалый человек», «стреляный воробей»; «*мусичаи бегунох*» в значении «покорный, робкий человек», «овечка»; «*чаши ми пухта*» в значении «намётанный глаз», «опытный»; «*точи сар*» в значении «желанный», «дорогой человек»; «*нури дида*» в значении «любимый», «свет очей»; «*чони падар*», «*чони модар*» в значении «родной», «кровинушка» и др.

Изафетные субстантивные фразеологические сочетания наиболее полно отражают существующие в таджикской языковой системе модели изафетных конструкций. Второй компонент данных словосочетаний выражается существительными, прилагательными, причастиями. Удельный вес наиболее высок у существительных, выражающих различные абстрактные понятия: «*шарораи уммед*» (букв. «искра надежды») в значении «повод к надежде, небольшой шанс».

В качестве второго компонента изафетных субстантивных ФЕ часто выступают различные типы прилагательных, среди которых наиболее употребительны качественные прилагательные: «*бори гарон*» (букв. «тяжёлая ноша») в значении «тягота»; «*нафаси хунук*» (букв. «холодный вздох») в значении «недоброе пожелание». Однако встречаются примеры и с относительными прилагательными: «*войвайлои пинхонй*» (букв. «тайные рыдания») в значении «сожаление»; «*дили сангин*» (букв. «каменное сердце») в значении «бесчувственный»;

«*дашноми дастабиринчй*» (букв. «брань с бронзовой ручкой») в значении «отборные ругательства».

В татарском языке компоненты субстантивных ФЕ имеют следующие особенности:

– аффиксальная передача падежной категории: «*аякка басу*» – аффикс -ка передаёт отношения направительного падежа; «*башыннан (алып) аягына*» – аффикс -нан передаёт отношения исходного падежа;

– использование изафетного определения для передачи отношения принадлежности: «*ярдәм кулын сузу*» – аффикс -ы передаёт значение принадлежности;

– использование аффикса притяжательности для передачи значения принадлежности: «*күз нурым*» – аффикс -м;

– использование послелогов: «*кулы белән төймәгенә коймый*»;

– использование аффикса сравнительности: «*күз алмасыдай саклау*» – аффикс -дай передаёт значение сравнения «как зеницу»;

– препозиция зависимого слова по отношению к главному (стержневому): «*аякка басу*».

В тюркологии принято говорить о трех типах изафетных сочетаний имен существительных. В изафете I преобладает конкретизация одного предмета через другой: «*күкәй күз*» (букв. «глаза яйцом») в значении «глаза навывкате», «*кылыч борын*» (букв. «нос саблей») в значении «орлиный нос», «*орчык борын*» (букв. «нос веретенном») в значении «острый нос», «*тукмак борын*» (букв. «нос колотушкой») в значении «нос картошкой», «*песи борын*» (букв. «кошачий носик») в значении «маленький носик».

В изафете II стержневое слово принимает аффикс притяжательности, а зависимое стоит в неопределённом падеже (в данном изафете преобладает отношение соотнесённости): «*дуңгыз түшкәсе*» в значении «жирный как боров». Еще одно важное условие средства связи – их обязательное соседство: тат. «*маңгай күзе*» (букв. «глаз во лбу»), тат. «*бака күзе*» в значении «рачы глаза».

Изафетом III называют определения, где зависимый компонент находится в родительном падеже, а стержневой принимает аффикс притяжательности (в данном изафете преобладает отношение принадлежности): тат. «*хәтер сандыгы*» (букв. «сундук памяти») в значении «человек с хорошей памятью», тат. «*сер капчыгы*» (букв. «мешок секретов») в значении «человек, который знает много секретов». Если зависимым компонентом выступают личные местоимения I лица и II лица, то в составе стержневого компонента аффикса притяжательности может и не быть.

В татарском языке на современном этапе его развития, безусловно, преобладает изафет II. Все остальные формы именных определительных словосочетаний не могут соперничать с ним ни по частоте употреблений, ни по богатству и разнообразию выражаемых отношений.

Падеж первого компонента притяжательных словосочетаний связан в некотором смысле с определённой и неопределённой, с родовой и видовой семантикой опорного компонента, но этим не исчерпываются отношения между двумя типами притяжательных сочетаний. Изафет II никак не следует рассматривать как сокращённый вариант изафета III. Определённую роль в образовании сочетаний, построенных по схеме II изафета, играют лексикализация,

лексико-семантические особенности компонентов словосочетаний. Эти сочетания составляют как бы подготовительную ступень в формировании терминологических конструкций и фразеологических единиц. Они не выражают отноше- ний принадлежности, а передают более широкий смысл, характеризуя предмет по определенному постоянному признаку.

Таким образом, притяжательные (изафетные) определения в зависимости от смысла сочетающихся слов-конструкций могут обозначать обладание, вла- дение, отношение, принадлежность, разделительность, конкретизацию слова широкого значения и т. д., тем самым актуализируя вопрос о самой атрибутив- ности, поскольку это понятие семантическое. Сложность его квалификации состоит в том, что модели атрибутивных сочетаний весьма разнообразны и за- частую понятие атрибутивности сводится лишь к представлению о члене пред- ложения [7].

Многочисленной группой субстантивных ФЕ русского, английского, тад- жикского и татарского языков является группа со структурой ФЕ ($N + N$) («су- ществительное» + «существительное»).

В английском языке для ФЕ, определяющих человека, характерен «атрибу- тивно-препозитивный тип с примыканием с группой субстантивно-именной, в которой зависимый компонент выражен существительным без какого-либо морфологического оформления» [8, с. 32]. Примерами данной модели могут служить такие ФЕ: *“eye appeal”, “camera eye”, “butter fingers”, “the fountain head”, “mother tongue”, “a penny father”, “a bull cook”, “a weather cock”, “a family man”, “a fall guy”*.

В русском языке выделяется атрибутивно-постпозитивный тип с управле- нием, поскольку зависимый компонент, находящийся в постпозиции к стерж- невому, выражен существительным в форме одного из падежей: *«слову хозяй- ка», «присутствие духа», «туп земли»*.

В татарском языке данные ФЕ имеют препозитивную структуру: *«алма ана»* (букв. «яблоко тётя») используется при ласковом обращении к сестре, *«итәксез хатыннар»* (букв. «жёны/женщины без юбок») – так говорят о муж- чинах, недостойных называться мужчинами, *«тол этәч»* (букв. «петух вдо- вец») – так говорят о мужчине, который не переживает по поводу кончины же- ны и гуляет, *«этәч баиш»* (букв. «петух голова») – так говорят о человеке, кото- рый любит верховодить, *«урам хатыны»* (букв. «женщина улицы») в значении «уличная девка», *«кук егет»* (букв. «небо парень») в значении «зазнайка», *«хан кызы»* (букв. «дочь хана») в значении «неженка, недотрога».

В татарском языке данную модель можно разделить на две группы:

1) Модель «существительное» + «существительное» ($N + N$), в которой первый компонент имеет прямое значение, а второй – переносное. Эти компо- ненты находятся в тесной связи друг с другом, в совокупности обозначают од- но понятие. В целом эта модель способствует формированию в татарском язы- ке широко распространенных фразеологических выражений: *«дуслык хисе»* (букв. «чувство дружбы») в значении «чувство локтя», *«гыйлем иясә»* (букв. «хозяин знания») в значении «ума палата».

2) Модель «существительное» + «существительное» ($N + N$), в которой первый компонент имеет переносное значение, второй – прямое: *«урам авыз»*

(букв. «улица рот») в значении «сплетник», «*тишек авыз*» (букв. «дырка рот») в значении «пустомеля», «*агач авыз*» (букв. «дерево рот») в значении «мямля». По сравнению с первой моделью, эта модель менее распространена в литературном языке.

Специфической чертой, отмеченной в английском и татарском языках, является употребление имени собственного в качестве и стержневого, и зависимого компонента: тат. «*Ихсан такәсе*» – так говорят о человеке, который управляет кем-либо через человека ниже себя по положению (до революции в Казани жил нищий Ихсан, который на собранные деньги купил большого козла. Козёл стал главным в стаде, таким образом Ихсан прославился на всю Казань), англ. “*Eve’s daughter*”, англ. “*a Mark Tapley*”, англ. «*King Log*», англ. “*Jack Horner*”, англ. “*Teddy Boy*”, англ. “*Mother Carey*”, англ. “*Tom Thumb*”, англ. “*Jack Sprat*”, англ. “*Billy Bunter*”.

ФЕ данного структурного типа подвергаются лексическому варьированию первого компонента: англ. “*Mamma’s (mother’s) darling*”; кроме того, могут существовать узуально-контекстуальные варианты изменения первого компонента по числу: англ. “*Ladies’ (lady’s) man*”.

Отдельно необходимо выделить подгруппу английского языка ($N's + N$) («существительное в притяжательном падеже» + «существительное»): “*a cat’s eye*”, “*a horse’s neck*”, “*crow’s feet*”, “*the lion’s mouth*”, “*dog’s nose*”.

Среди грамматических вариантов ФЕ английского языка часто можно встретить преобразования конструкции ($N's + N$) в ($N + of + N$): “*a box of tricks (a tricks’ box)*” в значении «проказник, шалун», “*a mummy’s boy (a boy of mummy)*” в значении «любимчик матери», “*chevalier of industry (industry’s chevalier)*” в значении «авантюрист», “*dog’s dinner (dinner of dog)*” в значении «ничтожный, презренный человек», “*a bag of nerves (a nerves’ bag)*” в значении «комоч нервов».

Непосредственная соотнесённость с концептуально-образными значениями и отвлечёнными понятиями является характерной особенностью для большинства субстантивных ФЕ таджикского языка. В роли второго компонента отмечены употребления «конкретных имён существительных» [9, с. 282]: «*дарди дил*» (букв. «боль сердца») в значении «чаяния», «*магзи чигар*» (букв. «сердцевина печени») в значении «душа, внутренний мир».

В татарском языке один из компонентов ФЕ может быть выражен именем действия, которое одновременно обладает признаками и имени существительного, и глагола. Что касается грамматических категорий, то имя действия как имя существительное может склоняться по числам, падежам и принадлежности, а также как глагол иметь отрицательный аффикс *-ма/-мә*: «*аң китү*» в значении «потерять сознание», «*абруе төшү*» в значении «подорвать свой авторитет», «*будәнә симертү*» в значении «лежать без дела», «*алны-ялны белмәү*» в значении «не знать отдыха».

В татарском языке можно также встретить ФЕ со структурой ($N + N + N + N$) («существительное» + «существительное» + «существительное» + «существительное»): «*маңгай күзе – ботак тишеге*» (букв. «глаз во лбу – дупло дерева»).

Именные (субстантивные) фразеологизмы таджикского языка можно разделить на три модели.

1. «*Абстрактное существительное*» + «*абстрактное существительное*». Наиболее употребительными в таджикском языке являются именные (субстантивные) ФЕ с абстрактными существительными: «*дарди ишк*» (букв. «боль любви») в значении «любовный недуг», «*сухони умр*» (букв. «подпилочек жизни») – «горе», «несчастье» и т. д.

2. «*Конкретное существительное*» + «*конкретное существительное*»: «*оташи дил*» (букв. «огонь сердца») в значении «боль», «недуг», «мучение», «*бозичаи даст*» (букв. «игрушка руки») в значении «игрушка в чьих-либо руках», «марионетка», «*саги остона*» (букв. «собака у порога») в значении «слуга», «почитатель».

3. «*Конкретное существительное*» + «*абстрактное существительное*»: «*чаими чон*» (букв. «глаз души») в значении «объективный взгляд», «*оташи хатир*» (букв. «огонь памяти») в значении «остроумие, догадливость», а также «*абстрактное существительное*» + «*конкретное существительное*»: «*поси намак*» (букв. «щепотка соли») в значении «благодарность», «уважение», «*чони одам*» (букв. «душа человека») в значении «душа – человек», «*дарди сар*» (букв. «боль головы») в значении «забота».

ФЕ с абстрактными и конкретными существительными, как и другие разновидности именных ФЕ, характеризуются устойчивостью состава компонентов. В субстантивных ФЕ имя существительное выступает как стержень и подчиняет остальные части речи. Однако ФЕ данной группы в таджикском языке присущи лексико-структурные варианты: «*захми (оташи, дарди) дил*» (букв. «рана сердца») в значении «душевная боль», «грусть», «печаль», «недуг», «обида», «*оташи хотир*» (букв. «огонь») в значении «боль», «грусть», «печаль», «недуг», «обида».

В таджикском языке встречаются ФЕ, где второй компонент осложнён числительным: «*харбузаи як палак*» (букв. «одного стебля дыни») в значении «одного поля ягоды», «*овораи ду дунё*» (букв. «бродяга двух миров») в значении «конченный человек, бродяга».

Подтипом данной модели является группа фразеологизмов русского, английского и таджикского языков, состоящих из имени существительного и предложно-падежной формы другого имени существительного. Все подобные фразеологизмы в лексико-грамматическом отношении соотносены с именем существительным, во всех ФЕ зависимые компоненты неизменяемы, а опорные образуют различные падежные формы ($N + Prep + N$) («*существительное*» + «*предлог*» + «*существительное*»): рус. «*хождение по мукам*», рус. «*борьба за жизнь*», рус. «*ветер в голове*», рус. «*рот до ушей*», рус. «*горе от ума*», рус. «*ноль без палочки*», рус. «*мужик в юбке*», рус. «*ангел без крылышек*», рус. «*ангел во плоти*», рус. «*башка с затылком*», рус. «*язык без костей*»; англ. “*a babe in the woods*” в значении «простодушный, доверчивый человек», англ. “*a cat in ran*” в значении «изменник, предатель», англ. “*a dog in the manger*” – «собака на сене», англ. “*a fore in the blood*” в значении «страсть, пылкость», англ. “*Jack in office*” в значении «самонадеянный бюрократ», англ. “*a babe in arms*” в значении «сущий младенец» (о неопытном и наивном человеке), англ. “*Johnny on the spot*” в значении «человек, который готов всегда действовать», тадж. «*дог дар*

дил) (букв. «пятно в сердце») в значении «горечь, печаль», тадж. «*вафо ба ахд*)» (букв. «преданность общению») в значении «верность слову».

В английских ФЕ атрибутивно-предложного типа с постпозицией и приемыканием синтаксическая связь между компонентами не имеет морфологического выражения и осуществляется простым порядком слов, который в этом случае носит фиксированный характер: “*foot in a grave*”, “*peas in a pod*”, “*a bag of bones*”, “*the picture of health*”, “*a babe (baby, infant) in arms*”, “*a call for duty*”, “*a cuckoo in the nest*”, “*a heart of flint (stone)*”, “*a heart of oak*”, “*a man of his hands*”, “*a man of his word*”.

В русском языке «синтаксическая связь стержневого компонента с зависимым выражена двойным путём – падежным оформлением в соединении с предлогом. Так как предложное управление, т. е. управление, выраженное предлогом и флексией падежа, является одним из критериев типологической характеристики словосочетаний, то имеются все основания для того, чтобы в основу определения подтипов, которые объединяет данный тип, положить именно форму зависимого компонента» [10, с. 161]: «*аришн с шапкой*», «*мужичок с ноготок*». Сочетание имени существительного с именем существительным в этом случае осуществляется посредством предложной подчинительной связи: «*кровь с молоком*», «*метр с кепкой*». Данные фразеологизмы имеют строго закреплённый порядок расположения компонентов: почти всегда предложно-падежная форма имени существительного является постпозитивной. Модель в целом является малопродуктивной, новообразований немного.

Фразеологизмы, где стержневой и зависимый компоненты связаны предлогом, требуют предложного падежа зависимого компонента: рус. «*человек в футляре*», «*свинья в ермолке*», «*хвост в зубах*».

В русском и английском языках второй член ФЕ может быть расширен: (*N + Prep + Adj + N*), или (*Adj + N + Prep + N*), или (*Pr + N + Prep + N*). Расширение второго компонента как в английском, так и в русском языке может осуществляться при помощи прилагательного, местоимения или числительного: рус. «*волк в овечьей шкуре*», рус. «*ворона в павлиньих перьях*», рус. «*последняя спица в колеснице*», рус. «*пятое колесо в телеге*», рус. «*шишка на ровном месте*», англ. “*the milk of human kindness*”, англ. “*a bad (poor) hand at (with) something*”.

В татарском языке чаще встречается модель ФЕ «*падежная форма существительного*» + «*существительное*», так как при образовании падежных форм имена существительные в большинстве случаев принимают только соответствующие падежные окончания, в отличие от русского языка, где в образовании падежных форм используются как предлоги, так и окончания: тат. «*сүзгә килмәчәк*» в значении «разногласие».

Для английского языка характерно использование следующих предлогов: “*of*”, “*in*”, “*about*”, “*at*”, “*on*”. При образовании данных ФЕ чаще всего используется предлог “*of*”: “*a light of one's eyes*”, “*the eye of day*”, “*the apple of an eye*”, “*the size of fingernail*”, “*a set of features*”, “*a bunch of fives*”, “*a freak of nature*”, “*a slip of a boy (girl)*”. Предлог “*of*” служит выражению определительных или определительно-объектных отношений между стержневым и зависимым компонентами: “*a child of nature*”, “*the presence of mind*”, “*a baby of the family*”.

При использовании предлога “in” стержневой компонент – существительное – обозначает предмет, находящийся в определительно-пространственных отношениях с тем, что называет зависимый компонент: “*a man in the street*”, “*fire in the blood*”.

Остальные предлоги используются редко – “about”: “*man about town*” в значении «светский человек»; “on”: “*Johnny on the spot*” в значении «человек, который всегда готов действовать»; “at”: “*the man at the wheel*”.

Второе существительное таких ФЕ в английском языке может быть расширено. Расширение второго компонента является препозитивным: “*an ass in a lion’s skin*”, “*a flea in one’s ear*”, “*a man of his hands*”, “*bottom of one’s heart*”, “*beam in one’s (own) eye*”. В некоторых случаях в английском языке существует расширение второго существительного за счет прилагательного или существительного в притяжательном падеже: “*wolf in sheep’s clothing*” в значении «волк в овечьей шкуре», “*knight in shining armour*” в значении «доблестный рыцарь, галантный кавалер».

В английском языке может происходить изменение числа первого компонента как с единственного числа на множественное, так и наоборот: “*baby in the wood – children in the wood*”, “*man about town – people about town*”, “*pests of society – pest of society*”.

У некоторых английских фразеологизмов отмечается взаимозаменяемость как стержневого, так и зависимого компонентов: “*a heart of flint (stone)*”, “*a babe (baby, infant) in arms*”.

Для русских субстантивных ФЕ характерен атрибутивно-предложный подтип с постпозицией и управлением, где можно выделить следующие подтипы:

а) предложно-генетивный подтип с зависимым компонентом в родительном падеже: «язык без костей», «рот без застёжек», «кость от кости», «плоть от плоти»;

б) предложно-аккузативный подтип (используется предлог, требующий употребления зависимого компонента в винительном падеже): «рыцарь на час», «мастер на все руки», «глаза на лоб»;

в) предложно-творительный подтип с зависимым компонентом в творительном падеже: «кровь с молоком», «глаза с поволокой»;

г) предложно-предложный подтип: «волк в овечьей шкуре», «ветер в голове», «голова на плечах».

Среди наиболее распространенных предлогов в русском языке можно выделить «в»: «свет в окошке», «ангел во плоти», «мужик в юбке» – и «на»: «душа на месте», «собака на сене», «ушки на макушке».

Многим компонентам ФЕ русского, английского и татарского языков данного структурного типа свойственно нормативное образование единственного и множественного числа существительных. Обычно флексией множественного числа оформлено одно из существительных: англ. “*a bull in a china shop – bulls in a china shop*”, англ. “*a friend in need – friends in need*”, рус. “*ангел во плоти – ангелы во плоти*”, рус. «собака на сене – собаки на сене», тат. «ашаган табагына текеру – ашаган табакларына төкеру».

В конструкции (N + N) («существительное» + «существительное») в английском языке второй компонент может быть расширен за счёт препозитивно-

го использования прилагательного или существительного в родительном падеже: *“the girl next door”*. В русском языке часто встречается компонент «своему»: «*хозяин своему слову*».

Другой, не менее важной, моделью является модель (*N + and\и\hэм + N*) («существительное» + «и(да)/and/hэм(дэ)» + «существительное»), встречающаяся в русском, английском и татарском языках и характеризующаяся сочинительной связью между компонентами ФЕ: рус. «*плоть и кровь*», рус. «*маг и волшебник*», рус. «*глаза и уши*», тат. «*күзе дә йөзе*», тат. «*күз дә колак*», англ. “*eyes and ears*”, англ. “*beauty and the beast*”, англ. “*milk and water*”, англ. “*prunes and prism*”, англ. “*head-cook and bottle-washer*”. Данная группа характеризуется константной зависимостью компонентов. Для большинства сочинительных ФЕ английского языка характерна морфологическая неизменяемость. Двучленные ФЕ русского и английского языков, семантически ориентированные на описание человека, могут иметь оба компонента в единственном числе: “*David and Jonathan*”, “*Damon and Pythias*”, «*Кастор и Поллукс*», «*Орест и Пилад*» в значении «неразлучные друзья, единомышленники» – или оба компонента во множественном числе: “*stocks and stones*” в значении «неодушевленные предметы, бесчувственные люди».

В английском, русском и татарском языках часто встречаются имена собственные в качестве обоих компонентов ФЕ: англ. “*Darby and Joan*”, тат. «*Әлмән белән Салмән*», тат. «*Әмәк белән Самәк*», рус. «*Шерочка и Машерочка*», рус. «*Гог и Магог*».

Для русского языка характерно нормативное образование множественного числа с изменением обоих компонентов: «*маг и чародей – маги и чародеи*». Среди ФЕ антропоцентрической направленности данная конструкция получила большее распространение в английском языке. Иногда в английском и русском языках может наблюдаться варьирование предлога, например: англ. “*a stick or a stone – a stick and a stone*”, рус. «*Шерочка и Машерочка – Шерочка с Машерочкой*».

Таким образом, несмотря на все выявленные различия ФЕ с конструкцией «существительное» + «существительное», она достаточно широко представлена в русском, английском, татарском и таджикском языках. Прослеживаются определенные соответствия фразеологических единиц данной конструкции как без расширения, так и с различного рода расширениями в четырех сопоставляемых языках.

Summary

E.F. Arsenyeva, L.R. Sakayeva. Substantive Phraseological Units of Anthropocentric Character in the Russian, English, Tatar and Tajik Languages.

Substantive phraseological units of anthropocentric character are presented by a substantially great number of units in four languages subjected to comparative study. Izaphet constructions in Tajik and Tatar, the ways of expressing attributive relations and syntactic links between the nuclear and dependent components of phraseological units in Russian and English, their counterparts in Tajik and Tatar are studied in the present work. Some similarities in phraseological unit structural and componential organization are revealed in spite of the fact that the units belong to typologically different languages.

Литература

1. *Мачидов Х.* Фразеологияи забони хозираи тоҷик. – Душанбе: УДТ, 1982. – 104 с.
2. *Рубинчик Ю.А.* Основы фразеологии персидского языка. – М.: Наука, 1981. – 275 с.
3. Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик – Ибораҳо ва Синтаксиси ҷумлаҳои сода. – Душанбе: Дониш, 1986. – Ҷилди 1. – 356 с., Ҷилди 2. – 372 с.
4. *Хушенова С.В.* Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. – Душанбе: Дониш, 1971. – 190 с.
5. *Маджидов Х.* Фразеологическая система современного таджикского литературного языка. Дис. ... д-ра филол. наук. – Душанбе, 1995. – 472 с.
6. *Хушенова С.В.* Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. – Душанбе: Дониш, 1971. – 190 с.
7. *Залакова Р.Х.* Изафетные определения в татарском языке // Актуальные вопр. татар. языка. – Казань, 2003. – С. 128–135.
8. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1993. – 476 с.
9. *Маджидов Х.* Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – Душанбе, 1995. – 472 с.
10. *Аракин В.Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979. – 260 с.

Поступила в редакцию
22.11.07

Арсентьева Елена Фридриховна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии Казанского государственного университета.

Сакаева Лилия Радиковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии филиала Казанского государственного университета в г. Набережные Челны.